

Последний из Серых Волков

➤ Воспитательная сказка от Партии зеленых о недалеком будущем

СЕРЫЙ ВОЛК, поджав хвост, медленно брел на трех ногах, впрочем, как и полагалось Серому Волку, между пеньками деревьев и консервными банками.

Правда, справедливее было назвать его рыжим или даже лысым волком, так как постоянное поливание химическими дождями не могло быть полезным его некогда пышной серой шубе. И так, рыжий, облезлый, мокрый, несчастный и, как всегда, голодный Волк брел к домику Козы. И мысли у него были такие же рыжие. «Жалко ведь козлят, но есть-то надо. Надо есть! – внезапно разъярился он, – надо». Злость ушла так же внезапно, как и появилась. Мысли текли вяло, с ушей капало. «Зайцев или перестреляли, или сами передохли, травы налопавшись, а в ней столько заразы, что и слон отравится. Мухоморы жрать надоело, значит, надо съесть козлят, пока сами не передохли. Решено, иду». – И, не прибавляя шагу, все так же уныло Волк приплелся к домику с шиферной крышей.

Осторожно заглянув в окно, он понял, что ни Козы, ни ее ухажера нет дома. «Повезло!» – решил Волк и, подобравшись под дверь, запел тоненьким от постоянного недоедания голоском. «Вроде бы так и нужно?..» – не то обрадовался, не то приуныл он. Но ответ козлят заставил его по-собачьи осесть на задние ноги, лапа, парализованная после того, как Волк поел из консервной банки с иностранной этикеткой, заняла еще сильнее. И слабо закружилась голова в ответ на слова козлят: «Твой голос на мамин совсем не похож, ты голосом тонким фальшиво поешь!» Чувствуя, что нужно хорошенько поразмыслить и прийти в себя, Волк почесал за ухом и удалился за угол дома.

И тут из бывшего леса, превратившегося в смесь помойки и лесоповала, послышалось такое мычание, что Волк с перепугу решил, будто это ревет бык Федя, принадлежащий леснику Федору Михальчу. Но потом вспомнил, что тот недавно сдох, отравившись картошкой, предназначавшейся для хозяйского стола. Сообразив это, Волк уже было успокоился, но вот тут из «леса» выбралась Коза. Издав все тот же устрашающий рев, Коза подошла к домику и запела: «Отворите поскорей мамаше дверь, я устала, я голодная, как зверь!»

Волк закусил лапу, чтобы не закричать. И было от чего! Он понял, что таким голосом ему не спеть при всем желании, потому что этому прокуренному басу позавидовал бы даже прадедушка нашего Волка, которому не удалось съесть прадедушку этих козлят именно из-за своего грубого (Грубого? Ха!) голоса, не говоря уже о нем, рыжем, несчастном и заморенном Волке. А вдобавок еще и потому, что один взгляд на Козу убил бы на месте любого – с измятой мордой, с сигаретой в желтых зубах, в каком-то непонятном

лапте с надписью на копыте, она производила ужасающее впечатление. А еще ее меканье-мыкание – это было уже слишком для большого и слабого создания, называемого Серым Волком, который, чуть не заплакав, круто развернулся и бросился наутек с той скоростью, какую только позволяли развить его три с половиной лапы. Оглянувшись, он увидел, как козлята внесли свою уже не стоявшую на ногах пьяную мать в дом, заботливо сняв с нее непонятный лапоть. Это был удобный момент напасть на них, потому что сама Коза была беспомощнее своих козлят, но Волку, пережившему огромное потрясение, это и в голову не пришло.

«Знал я, что все не так, но чтоб все было так, я и не думал», – и он, не останавливаясь, мчался дальше во всю силу своих легких, пока взгляд его случайно не зацепил ближайшие кусты. Он резко притормозил. Два розовых пятячка уставились на него с неммым обожанием. А после визг удивившей добычи окончательно заставил его прийти в себя. Машинально выбрав поросенка потолкаше, хотя выбор вряд ли был точен, принимая во внимание одинаковую худосочность поросят, и следуя за мелькавшим впереди из-за кустов розовеньким, ставшим почти родным хвостиком, он отогнал от себя мысль: «Откуда эти бедолаги?» – и припустил еще быстрее.

Но почти тут же притормозил, так как поросенок «нырнул» в нору в холме и забаррикадировал вход ящиками с гнилыми яблоками, помидорами и другими дурнопахнущими и неаппетитными отходами с ближайшего консервного завода. При всей своей всеядности, выработанной годами голода и химии, Волк не смог заставить себя прикоснуться к мерзким, обляпанным ящикам. И поборов подступившую дурноту, удалился, провожаемый тревожно-злорадными взглядами внука Наф-Нафа, как оказалось, по направлению к другому домику. Третьего дома не было, так

как Наф-Наф из-за своего человеколюбия геройски погиб на вертеле туристов два года назад. А его внуки Ньюф-Ньюф и Неф-Неф, подравшись из-за наследства, разошлись. Ньюф-Ньюф остался в доме деда, а Неф-Неф ушел и поселился в холме, откуда только что с позором удалился наш рыжий герой. Поэтому, постояв немного, посмотрев издали на эту кирпичную крепость и вспомнив историю своего дедушки, пытавшегося завладеть домом (поросята тогда в расчет не шли), он уже собрался убраться восвояси.

Но... о радость! Счастье наконец улыбнулось и ему. Еще не веря своим глазам, он подбежал и впервые в жизни улыбнулся краями некогда страшной пасти. Дом, простоявший не менее ста лет, построенный из недоброкачественного кирпича, был такой ветхий, что дунь по сильнее – и он рухнет. Но даже дунуть как следует Волк не мог. Еще не теряя надежды, обжевав дом, он нашел наиболее слабое место, навалился всем телом и, чувствуя содрогания дома, где-то внутри

дрожа от предвкушения, увидел сквозь осевшую стену перепуганные глаза поросенка. Выпрыгнув в последнюю минуту в окно, поросенок увидел, как рухнувшая крыша похоронила под собой бранные останки нашего героя, до конца вер-

ного долгу и зову предков, последнего из своего великого рода, носившего раньше имя Серых Волков. Мир его праху! ☹

НАТАЛЬЯ БОЧКАРЕВА
КОЛЛАЖ > ОЛЬГА ГАВРИЛОВА

«Распечатать банку розовых груздей...»

Александр ШЕРСТОБИТОВ

Первый снег

Под утро выпал снег –
И сразу чище стало
Не только на земле,
Но и в душе моей.
Куда хандра девались
И усталость?..
И возвратилась вера
И в Бога, и в людей.

Прости, Господь, меня,
Что верую лишь утром,
Что не хватает сил
На весь высокий день...
Уснул под самый дождь –
И вдруг такое чудо:
Врачует первый снег –
Неведомый женьшень.

Слабость

Взять капусты
из родного погребка,
Настрогать головку
сладкого лучка,
Сверху маслом подсолнечным
полить,
Размешать и крупной солью
посолить.

И неплохо для жены –
судьбы моей –
Распечатать банку
розовых груздей.
Приготовить, как бывало,
наша мать
И заставить с каждым груздем
целовать.

И совсем уже,
сомлев душой вконец,

Разрешить для дочки
божий леденец:
Земляники дальний
тайный туюсок
За прицельный поцелуй ее
в висок.

А потом уже сидеть, смотреть,
ворчать.
Поворчать –
порой такая благодать.

Хорошо, когда все хорошо.
Ладно в малом и радость
в большом.
Хорошо строить планы на день
И укутаться в ватную лень.

Из пиал – самоваристый чай,
Вспоминать о былом невзначай.

В разговоре
придерживать суть
И мечтою жену поперхнуть.
И смотреть на своих пострелят,
Что, обнявшись,
и спят, и сопят.
И почувствовать силы
в большом...
Хорошо, когда все хорошо.

Звезда упала, я поднял
И, разбежавшись, бросил
Назад, где путь ее лежал...
Пусть растворится вовсе.

Звезда мне руки обожгла,
Неловко кувыркнулась,
Кометой в глубь земли ушла
И бездной усмехнулась.

Ну разве откажешь
Себе наклониться,
Студеной водицы
Устало напиться.

Чистой, проточной,
С леском, родниковой,
Как не напиться
Влаги медовой!

Ну разве откажешься
Низко склониться,
Коль угораздило
Глупо влюбиться?

С губ земляничных
Влагу бедовую
Пить-наслаждаться
Вечно готов я! ☹